

Е. Э. Овчарова

АЛЖИР 1850-Х ГГ. ГЛАЗАМИ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА (В. А. ВОНЛЯРЛЯРСКИЙ И Э. ФРОМАНТЕН)

Аннотация. В статье проведено сравнение путевой прозы Эжена Фромантена и Василия Александровича Вонлярлярского, созданной ими на основе впечатлений от путешествий по Северной Африке в конце 1840-х – начале 1850-х гг. Эти писатели принадлежали к одному поколению, были в начале своего творческого пути и находились под влиянием уже сошедшего со сцены романтизма. Фромантен, впоследствии известный художник-ориенталист, писатель и искусствовед, путешествовал в поисках свежих художественных впечатлений. Вонлярлярский искал в Северной Африке физического и душевного исцеления. Местом действия псевдодокументальной (но основанной на реальных событиях) путевой прозы обоих авторов стал город Алжир первой половины XIX в., а также и прилегающий к нему регион. Их произведения весьма наглядно и с разных точек зрения отразили ту бурную эпоху, противоречия которой были обусловлены прежде всего колониальной европейской экспансией. Отечественную традицию восточных путешествий нельзя на тот момент назвать развитой. Восток был запечатлен Вонлярлярским без особого пиетета, в то время как Фромантен писал в русле развитой литературной традиции французских литературных путешествий. Очерки русского писателя имеют резкую антиколониальную направленность, что несвойственно авторам-французам. На данном этапе исследования автор ограничился лишь самым общим сравнением, на основании которого делается вывод о принципиальном сходстве позиций обоих авторов.

Ключевые слова: Эжен Фромантен, Василий Вонлярлярский, Алжир, Магриб, Французская колониальная империя, ориентализм, травелог

Ekaterina E. Ovcharova

ALGERIA OF THE 1850S IN THE TRAVEL PROSE OF A RUSSIAN AND FRENCH TRAVELER (V. A. VONLYARLYARSKY AND E. FROMENTIN)

Abstract. The article compares the travel prose of Eugene Fromentin and Vasily Alexandrovich Vonlyarlyarsky, created by them on the basis of impressions from travels in North Africa in the late 1840s – early 1850s. These writers belonged to the same generation, were at the beginning of their creative path and were influenced by romanticism that had already left the stage. Fromentin, later a well-known Orientalist painter, writer and art historian, traveled in search of fresh artistic experiences. Vonlyarlyarsky sought physical and mental healing in North Africa. The scene of the pseudo-documentary (but based on real events) travel prose of both authors was the city of Algiers in the first half of the 19th century, as well as the region adjacent to it. Their works very clearly and from different points of view reflected the turbulent era. The contradictions were primarily due to the colonial European expansion. The domestic tradition of oriental travel cannot be called developed at that time. The East was depicted by Vonlyarlyarsky without much reverence, while Fromentin wrote in line with the developed literary tradition of French literary travels. The essays of the Russian writer have a sharp anti-colonial orientation, which is not typical for French authors. At this stage of the study, the author limited himself to only the most general comparison, on the basis of which a conclusion is made about the fundamental similarity of the positions of both authors.

Keywords: Eugene Fromentin, Vasily Vonlyarlyarsky, Algeria, Maghreb, French Colonial Empire, Orientalism, travelogues

Введение

Молодой (около 27-ми лет) и полный надежд лицензиат права Эжен Фромантен и шестью годами его старше, не очень здоровый и близкий уже к концу своей краткой жизни отставной подпоручик Василий Александрович Вонлярлярский путешествовали по Алжиру практически в одно и то же время. Отдаленным итогом обоих путешествий стали написанные обоими психологические романы, хотя и достаточно новаторские для своего времени, но тем не менее задействовавшие художественные средства уже ушедшего в прошлое романтизма.

Фромантен, впоследствии известный художник-ориенталист, писатель и искусствовед, первый раз оказался в Алжире, пребывая в страстном поиске свежих художественных впечатлений; он поехал тайком от родителей, которые совсем не желали для своего сына сомнительной карьеры художника и писателя; эта земля влекла его, она послужила источником вдохновения и отправной точкой его дальнейшего пути в искусстве и литературе. Обстоятельства же, способствовавшие появлению в Алжире известного в конце 1840-х гг. писателя Вонлярлярского, весьма туманны, как, впрочем, и многое в его жизни. Этот туман был настолько глубок, что не очень хорошо знакомый с обстоятельствами жизни Вонлярлярского Осип Иванович Сенковский, известный писатель, критик и редактор журнал «Библиотека для чтения», в некрологе писателю сотворил весьма причудливую смесь из биографий Василия Александровича и Александра Александровича, его старшего брата, известного своей неутомимой предпринимательской деятельностью и расточительным образом жизни [Вонлярлярский, 1987, с. 13–14]. Предполагается, что Вонлярлярский искал в Северной Африке физического и душевного исцеления, а на основе путевых записей и полученной в результате странствий информации и впечатлений стал по возвращении домой создавать свои так и не оцененные должным образом шедевры. Но вот только Алжир, пережив череду совершенно ужасных событий 1830–1840-х гг.,¹ вовсе не славился в то время как курортное место для избавления от нервных расстройств, да и описываемые отставным подпоручиком в своих алжирских записках приключения мало похожи на лечебные процедуры. Впрочем, Ксенофонт Алексеевич Полевой, издатель полного собрания сочинений Вонлярлярского и знакомый его семье, полагает, что его путешествия действительно имели цель исключительно медицинскую [Полевой, с. XIV].

Местом действия псевдодокументальной (но основанной на реальных событиях) путевой прозы обоих авторов стал город Алжир первой половины XIX в., а также и прилегающий к нему регион. Удивительная, экзотическая красота этих мест буквально сразила начинающих писателей. Их произведения весьма наглядно отразили ту бурную эпоху, противоречия которой были обусловлены прежде всего колониальной европейской экспансией и сложным взаи-

¹ Так, Анна-Мари Кристин, современный биограф Фромантена и исследователь его творчества, писала, что именно впечатления от увиденного в городке Лагуат, где французская армия вела серьезные боевые действия, так потрясли Фромантена, что он прекратил через некоторое время свои путешествия в Алжир [Christin, p. 14–15], несмотря на всю свою любовь к этой земле.

модействием совершенно чуждых друг другу цивилизаций. Географическая область действия и временная протяженность у Фромантена значительно больше, чем у его русского коллеги. Тем не менее наш соотечественник постарался придать своим небольшим очеркам практически романную глубину, правда, нужно отметить, что, несмотря на их явные художественные достоинства, особого успеха они никогда не имели². Это может показаться странным, но крайне резкая антиколониальная направленность этих произведений Вонлярлярского нисколько не способствовала их популярности среди свободолюбивых российских читателей в дореволюционное время, да и первое советское издание вышло только в 1987 г. У Фромантена же получился³ сложный и новаторский по форме повествования двухчастный роман, заключающий в себе общую панораму жизни Алжира в середине XIX в., имевший в 1850-х гг. в Париже значительный успех среди интеллектуальной элиты и сохранивший определенную популярность до наших дней⁴. Ряд влиятельных критиков отметил новаторскую поэтику произведения Фромантена, но в целом алжирский цикл был воспринят как документальные путевые заметки с этнографическим уклоном⁵.

² Примечание к очерку А. Ильина-Томича: «Критика не обратила на рассказ особого внимания (см. лишь краткие упоминания в «Отечественных записках», 1852, № 4, отд. 6, с. 70, и «Москвитяине», 1852, № 9, отд. 5, с. 27)» [Вонлярлярский, 1987, с. 439].

³ 365 страниц в академическом издании Gallimard [Fromentin]

⁴ Разумеется, книги Фромантена популярны лишь среди не очень большого круга лиц, но интерес к ним остается неизменным. В ряду поклонников алжирского цикла Фромантена были Шарль Бодлер [Бодлер], Жорж Санд и ряд известных критиков той эпохи. Примечателен такой феномен, как паломничество по местам путешествий Фромантена. Его совершали и в XIX, и в XX в. Здесь можно упомянуть такого деятеля, как Эмиль Маскерей, известного французского ученого, автора туарегско-французского словаря, историка и археолога [Emile Masqueray, 1843–1894]. В XX в. этот путь повторил французский дипломат Анри Марша [Henry Marchat (1893–1991)] [Овчарова, 2014]. Анри Марша был не единственным иностранным дипломатом, работавшим в Алжире и опубликовавшим большую работу об Эжене Фромантене в журнале, чья тематика лишь косвенно связана с литературой. Таковым также был Валерий Витальевич Панкратов (1939–2009), в 1963–1993 годах работавший в министерстве иностранных дел СССР и Российской Федерации, выезжавший по линии МИД в долгосрочные командировки в страны Ближнего Востока и Европы. Панкратов известен также как автор нескольких серьезных книг и статей об охоте. Единственным, по-видимому, отступлением от этой тематики была большая статья об Фромантене, опубликованная в журнале «Охота и рыбалка» в 2004 г. Панкратов также при возможности совершил то же паломничество: «В 1980-е годы мне довелось проехать по тем местам пустыни Сахара, где более ста лет назад путешествовал французский живописец. Многие в тех краях изменилось под воздействием всепроникающей цивилизации. Исчезла соколиная охота. О ней теперь судят по картинам и книгам Фромантена» [Панкратов]. Надо отметить, что алжирские дневники переиздавались многократно, происходит это и сейчас. Для современных переизданий написаны новые статьи известных исследователей (например, [Cardonne]). Тут также можно добавить, что в 2005 г. автор этой статьи видел издание алжирских дневников XIX в. у одного парижского букиниста на набережной Сены; букинист специализировался на путешествиях, за алжирские дневники Фромантена он просил где-то 250 евро. Помню также покупателя в одном из букинистических магазинов Петербурга, искавшего алжирские дневники, причем именно как путешествие по Африке.

⁵ О жанровой принадлежности алжирского цикла Фромантена см. мои работы: [Овчарова, 2007, Овчарова, 2011, Овчарова, 2012б].

Алжирские очерки Вонлярлярского

Очерк Вонлярлярского «Абдаллах-Бен-Атаб» датирован 25 ноября 1846 года. Фромантена в Алжире на тот момент уже не было, сведения о французском путешественнике, в отличие от русского, вполне достоверны и точны, посещение будущего ориенталиста в том году относится к марту–апрелю⁶. Вонлярлярский, вероятно, находился в Алжире в ноябре–декабре 1846 г.⁷ [Полевой, с. 4]. Местом действия очерка служит городок Блида и его чрезвычайно живописные окрестности, это то же самое место, к которому отнесено «Лето в Сахаре», вторая часть алжирских дневников Фромантена. Очерк посвящен трагической судьбе предводителя племени Абдаллаха-Бен-Атаба, который был казнен за страшную месть французскому чиновнику, отличившемуся бессмысленной жестокостью.

Впервые полный текст произведения Вонлярлярского, хотя и с некоторыми цензурными купюрами, был напечатан в 1852 г. московским литератором Н. В. Сушковым в одном из трех выпусков издававшегося им в 1851–1854 гг. альманаха «Раут». Это было малотиражное издание, не получившее широкой известности среди читающей публики. Сушков, хотя и имел множество дружеских и семейных связей в литературных кругах⁸ и был человеком общительным, большого успеха в своих литературных делах не имел. Вполне возможно, что появление произведения Вонлярлярского в альманахе было обусловлено семейными родственными связями писателя и редактора⁹. Писатель не относился к своей литературной репутации с большой серьезностью, возможно, оттого, что его приход в литературу был слишком стремителен, чтобы вызвать доверие к его дару даже у него самого; может быть, в будущем ситуация могла бы и измениться – если бы ему был отпущен более длинный век. Часть очерка была прежде напечатана в «Отечественных записках», в таком виде он вошел в собрание сочинений Вонлярлярского, подготовленного Полевым уже после смерти пи-

⁶ Он вернется в сентябре 1847 и пробудет в Северной Африке до мая следующего года. Его последний визит будет самым продолжительным из трех, около года, с ноября 1852 по октябрь 1853 г. Даты путешествий Фромантена определены французскими и английскими литературоведами по его переписке, которая опубликована практически полностью.

⁷ Согласно датам, указанным в произведениях Вонлярлярского, следуя в том издателю его произведений в 1987 г., А. А. Ильину-Томичу [Вонлярлярский 1987, с. 9]. Однако же издатель собрания сочинений в 7-ми частях (томах) и автор предисловия к нему Ксенофонт Алексеевич Полевой, знакомый семье Вонлярлярского, указывает другую дату; впрочем, его фраза достаточно туманна. Полевой так пишет о путешествиях Вонлярлярского: «В 1849 году он был жестоко болен, и для восстановления здоровья ездил в Южную Францию, жил в Неаполе, переезжал и в Алжир, о котором осталось несколько воспоминаний в его сочинениях, но организм больного не мог восстановиться» [Полевой, с. XIV]. Также Ильин-Томич сообщает, что есть достаточно достоверные сведения, что путешествие Вонлярлярского продолжались около двух лет [Вонлярлярский 1987, с. 9].

⁸ Его матерью была известная в XVIII в. переводчица и литератор М. В. Сушкова, а женой – родная сестра поэта Федора Ивановича Тютчева, Дарья Ивановна Тютчева; литературный салон Сушковых пользовался популярностью.

⁹ Мать А. А. Вонлярлярского, Софья Ивановна Вонлярлярская (Храповицкая) (1782–?), и мать Сушкова, Мария Васильевна Сушкова (Храповицкая) (1755?–1803), известная переводчица и писательница, происходили из разных ветвей старинного польского дворянского рода Храповицких, известного с XVI в. Храповицкие – старинная дворянская фамилия герба «Гоздава», происходящая из Речи Посполитой во второй четверти XVI столетия. Первому из рода российское дворянство было пожаловано Василию Ивановичу Храповицкому, лейб-компанцу и доверенному лицу Елизаветы Петровны. О В. И. Храповице см. [Овчарова 2019].

сателя. Полное же издание текста очерка было осуществлено только А. А. Ильиным-Томичом в 1987 г., и надо сказать, что те небольшие добавления, которые появились при публикации оригинала по сравнению с уже имевшимся полным изданием в альманахе Сушкова, вносят весьма существенный вклад в общий смысл очерка. Очевидно, что цензурные купюры имеют целью смягчение характеристик иностранцев и снижение градуса недовольства автора творящимся беззаконием и произволом.

Абсолютно антиевропейская настроенность, о которой уже упоминалось выше, нисколько не способствовала сохранению очерка в первом или хотя бы втором ряду русской литературы. Русская критика в лице К. С. Аксакова не могла не указать на излишний, как тогда казалось, пиетет Вонлярлярского перед великосветской жизнью в романе «Силуэт» [Аксаков], но вот яркое выступление новоявленного писателя против насилия и беззакония отмечено не было, разве что И. И. Панаев заметил в связи с алжирским циклом Вонлярлярского, что в нем много фантазии [Вонлярлярский 1987, с. 15]. Проведенное сравнение двух очерков со свидетельствами Фромантена говорит о том, что изображение событий во многом соответствует действительности. У Фромантена действие, в том числе смерть, насилие и убийства изображены в духе Эжена Делакруа, в погружении в многосложную и многоцветную реальность, о чем будет сказано ниже, а у Вонлярлярского представлены зарисовки в скупой цветовой гамме, но сути это не меняет.

При внимательном чтении можно заметить, что изображение в совершенно неприглядном свете англичан, французов и швейцарцев является не столько целью, сколько одним из художественных средств, тем более, что подчас шаржируются не столько реальные люди, сколько национальные литературные штампы. Тем не менее приговор, который Вонлярлярский выносит европейцам, выглядит как окончательный, без какой-либо возможности обжалования. В очерке они представлены существами, не наделенными сколько-нибудь заметными интеллектуальными способностями, при этом часть из них невероятно жадна или необычайно жестока. Характеры выписаны самыми резкими, подчас гротескными, штрихами. Единственным в какой-то мере положительным персонажем среди окружающих рассказчика европейцев является молодой парижанин Евгений Дюпен, увлекающийся ботаникой. В глазах рассказчика это занятие абсолютно лишено смысла, но зато Дюпен никак не связан с постоянно творящимся вокруг насилием и кровопролитием. Двое других спутников рассказчика, швейцарец и англичанин, тоже сами по себе не жестоки, но градус идиотизма относительно Дюпена у них повышен. Швейцарец, например, представляется автором весьма церемонно, как будто он предполагает заключить этого героя в рамки длинного эпистолярного романа, хотя на самом деле персонаж появляется в очерке еще только раз; также впечатление от его внешнего облика сопоставляется с теми продуктами питания, с которыми могла ассоциироваться Швейцария.

Но для описания англичанина сэра Вильяма Бура, британца в полном значении этого слова, рассказчик не пожалел места и художественных средств: «Наружность его могла быть терпима только потому, что носил ее англичанин; все слова и поступки сэра согласовались с каждой чертою лица его, с обувью, с одеждою, с прическою, с образом ношения рук и даже с образом мыслей. Сэр Вильям Бур был не высок, но длинен, не тонок, но узок, не уродлив, но неуклюж,

не стар, но подержан. Глаза его выражали какого-то роду совершенное отсутствие выражения, а говоря, он делал дурно, потому что говорил вздор» [Вонлярлярский 1987, с. 346].

С Буром постоянно происходят самые нелепые происшествия. То он путает названия иезуитов и дельфинов, вводя в полное недоумение своих спутников на пароходе, то, направляясь в Мадрид, оказывается в Северной Африке. Впрочем, он оказывается воплощением идеального английского джентльмена, бесстрашного и всегда владеющего собой, о чем свидетельствует не только его чудесное спасение на горной дороге, в то время как его конь падает в пропасть, но и сцена успешной охоты на кабана. Все его подвиги становятся возможными благодаря полному отсутствию у него воображения и рефлексии.

В характеристике же французов из местной колониальной администрации автор совершенно безжалостен. Он уже не обращается к литературным аллюзиям, а живописует картины совершенно неприглядной действительности. Основой для нарративной композиции очерка является личность капитана Вervee, образцового представителя офицеров спаисов, «поседевших в степях Африки и не помнивших числа застреленных ими бедуинов». Это мужчина возрастом около сорока лет, необычайно физически сильный; «смуглое лицо его выражало то спокойствие, которое приобретает вечно беспокойною бивачною жизнью; выражался он коротко и ясно, улыбался редко, курил всегда, а в кофейник с коньяком часто забывал наливать кофе». Это был любимец генерала Негрие, известного своей крайней жестокостью и бесчеловечными расправами над местным населением: «В довершение всего Вervee был одним из любимцев известного генерала Негрие, который в продолжение командования своего Африканскую армию сделался известным одною довольно оригинальною привычкою: пока генерал пил чай и курил сигару, перед его окнами вешали 10 арабов, и это делалось аккуратно каждый день» [Вонлярлярский 1987, с. 346]¹⁰.

Несмотря на столь нелюбимые характеристики французских военных и администрации, вряд ли следует думать, что целью очерка является именно обличение колониализма. Разумеется, в этих характеристиках проявляется оценка Вонлярлярским французской колониальной экспансии, но он не был ни публицистом, ни моралистом, ни общественным деятелем. Он не был озабочен моралью или социальной несправедливостью как таковыми и сам был этим смущен,

¹⁰ Франсуа Мари Казимир Негрие (François-Marie-Casimir Négrier, 1788–1848) – французский генерал; в 1842 г., как указано в издании Ильина-Томича, отстранен от командования войсками константиновской области (Алжир) вследствие общественного скандала, вызванного его зверствами [Вонлярлярский 1987, с. 439]. Но однако в известном [Mullié, p. 364–367] компендиуме биографий французских военачальников об этом эпизоде его биографии не говорится, напротив, Негрие представляется человеком всяческих достоинств: *Le général Négrier comptait 42 ans de services non interrompus et constamment signalés par les vertus du citoyen, le courage du soldat et l'habileté du chef. "Генерал Негрие имел 42 года непрерывной службы, постоянно отмеченной достоинствами гражданина, мужеством солдата и мастерством полководца".* Его деятельность в Северной Африке дается с исключительно положительной коннотацией, что повторяется во всех популярных электронных источниках. Погиб генерал Негрие самым героическим образом, в ходе борьбы правительственных войск с парижскими повстанцами 1848 г. и похоронен с большими почестями; жене и детям были назначены пенсии.

так что даже не стремился к популярности. Основой его произведений являлось разворачивание авантюрной интриги: любые драматические эффекты и художественные средства привлекаются рассказчиком лишь для наиболее выразительного ее воплощения. Такое направление русской литературы осталось в XVIII в., магистральная же линия развития была совсем иная. Недаром Вонлярлярского называли русским Дюма, хотя сходство французского и русского романиста состояло лишь в скорости создания произведений. Так что бездушный англичанин, недалекий швейцарец, легкомысленный ученый-ботаник, чудовищно жестокое поведение французов в Африке, абсурдная в экономическом плане французская политика, тупость и произвол колониальной администрации, несправедливое правосудие, – все это олицетворение той косной вселенной, в неравной борьбе с которой гибнет романтический герой, в данном случае Абдаллах-Бен-Атаб. Безжалостному миру европейцев противопоставлен потерянный рай кочевников-бедуинов с их достоинством, красотой и патриархальными ценностями.

Декорации, в которых творится действие, очерчиваются выразительными и яркими штрихами; как и принято в романтических повествованиях, пейзажу уделяется весьма существенная роль. Его характер всегда соотносится с моментом действия: идиллическому настроению рассказчика соответствует ясная солнечная погода и дальняя перспектива, вокруг проносятся померанцевые рощи и красивые дачи в восточном вкусе, мелькают красивые женские лица в экипажах, рассказчик с любопытством смотрит на колоритных местных жителей, а перед ним разворачивается бесконечная равнина Метиджа, открывающая вид на синеватые хребты горной цепи; в предчувствии гибели героя мы видим скалы, среди которых течет разбушевавшийся горный поток, тропинка, по которой едут путешественники, сужается так, что кони не столько идут, сколько цепляются за скалы, камни из-под их копыт падают в горный поток, мимо несется испуганное стадо обезьян и огромный орел парит над героями, бросая на них свою черную тень [Вонлярлярский 1987, с. 347–348].

Несмотря на литературность очерка, введение в него современных автору политических и культурных реалий создает обманчивое впечатление документального повествования¹¹.

Противоборствующие стороны в рассказе «Абдаллах-Бен-Атаб» абсолютно непримиримы, нет никакой надежды на изменение ситуации, но она возникает в рассказе «Байя», хотя и в нем преступления французских оккупационных войск подвергаются категорическому осуждению. В рассказе речь идет о конфликте между воспитанником-арабом и его опекуном-французом, в результате которого француз был сочтен убитым, а его воспитанник через два месяца приговорен к смертной казни. Однако ж внезапно появившийся в суде опекун, оправившийся от полученных в результате драки ран и не имеющий претензий к подсудимому, произносит речь, в которой обвиняет самого себя в давнем убийстве матери своего нынешнего подопечного; убийство было совершено в пылу борьбы с бедуинами и служит для убийцы вечным укором. Хотя председатель поначалу не был склонен изменять

¹¹ О проблемах жанра в литературе путешествий см. [Овчарова, 2007].

приговор, под давлением аргументов воспитателя был вынужден его отменить; присяжные вновь собираются и выносят оправдательный вердикт. Примечательно содержание этой речи, в которой жестокость французского завоевания подвергается осуждению его участником. Былая разобщенность и взаимное отрицание французов и арабов сменяется стремлением к пониманию и взаимодействию. В финале рассказа воспитанник объясняет, что причиной его недобросовестности в делах, вызвавшей гнев француза, было постоянное желание лицеизреть юную красавицу Байю, которое отвлекало его от дел и препятствовало добросовестному отношению к обязанностям. Французу остается только посмеяться.

Тут надо сказать, что судить о содержании «Байи» в полной мере достаточно сложно, поскольку она не вошла в издание 1987 г. и существует только в варианте Полевого [Вонлярлярский 1853, с. 391–400]. Ни степень полноты публикации, ни цензурная правка пока не может быть определена. Но идиллическая картина старого Алжира, данная Вонлярлярским в преамбуле, вряд ли подвергалась сокращению, равно как и описание прекрасной одалиски. Буря утихла, жизнь продолжается во всей ее сложности, красоте и непредсказуемости. Вонлярлярский демонстрирует, что для примирения необходимо раскаяние (отставной военный) и снисхождение (председатель суда, присяжные и публика в зале) со стороны французов и мудрое прощение со стороны арабов (воспитанник-араб). Судя по той объективной картине, которая представлена у Фромантена, до такого состояния дел было еще далеко.

Эжен Фромантен. Алжирские дневники

Эжен Фромантен [Eugène Fromentin] (1820–1876) в конце 40-х – начале 50-х годов XIX в. был известен как французский художник-ориенталист, уже в 1847 г. его полотна выставлялись в Салоне, он участвовал и в некоторых последующих. В конце 1840-х – начале 1850-х гг. Фромантен несколько раз путешествовал по Алжиру. Результатом были наброски, рисунки и живописные полотна, а также две книги путешествий в традиционной для жанра эпистолярной форме, так называемые алжирские дневники, ‘les récits algériens’, представляющие собой единое повествование в двух частях, к изданию которого автор в конце жизни написал предисловие, включавшее его эстетическую программу, поскольку произведение было для него концептуальным. Обе части дневников выходили как отдельные книги в журнальном и книжном вариантах¹². Алжирский цикл Фромантена весьма высоко оценивается авторитетными французскими литературоведами, в частности, Ги Санем [Guy Sagnes], известным издателем французских классиков в ведущих издательствах, который поставил Фромантена в один ряд с Шатобрианом и Прустом [Sagnes].

Для повествования Фромантена характерна кинематографичность. Автор не высказывает мнения на злобу дня, он лишь представляет своего рода видеоря-

¹² «Лето в Сахаре» (“Un été dans le Sahara”, первая журнальная публикация в 1854 г., публиковалась в *Revue de Paris* с июня по декабрь 1854 г., книга вышла в 1857 г.) и «Год в Сахеле» (“Une année dans le Sahel”, журнальная публикация 1858 г., публиковалась в *Revue des Deux-Mondes* с ноября по декабрь 1858 г., книга – 1859 г.).

ды, позволяя каждому сделать собственные выводы, которые вполне могут различаться между собой. Его взгляд – это взгляд художника, создающего свой вариант действительности на основе реального мира [Овчарова 2009].

Несмотря на мнение некоторых, в особенности англоязычных исследователей по поводу прославления Фромантенем французского колониализма [Овчарова 2021], его взгляд на алжирскую действительность того времени на самом деле не так уж сильно отличается от взгляда Вонлярлярского; видит он то же самое, просто с другой точки зрения. Он разворачивает перед читателем никогда не прекращающуюся человеческую драму, заключенную в рамку бесконечно изменчивой природы; чрезвычайно значима и даваемая им историческая перспектива. В алжирских дневниках нет поляризации сил добра и зла, герой занят лишь красотой и сложностью окружающего мира.

В контексте если не примирения, то выстраивания совместного существования примечательно описание в первой части, «Лето в Сахаре»⁹, воздвигнутого французскими военными дома. Это было осуществлено корпусом генерала Рандона в ноябре 1852 года; в 1853 г. дом служил жилищем лояльному к французам предводителю племени, а также его кузену и младшему брату. На доме были выписаны имена строителей, перечни подразделений, которые, как пишет Фромантен, уже могут служить эпитафиями, и особо выделено имя героически погибшего во время атаки 4 декабря 1852 г. некоего капитана Бессьера. Рассказчик говорит о том, что дом служит вождю племени лишь своего рода официальной резиденцией, а живет он среди своих пастбищ. Вождь и его брат женаты на испанках, браки были заключены по воле эмира Абдель-Кадира за несколько лет до пришествия французов, причем испанки не стали единственными обитателями гаремов своих мужей, но они не имеют особых возражений, и жизнь племени, вождя, его семьи проходит в соответствии с обычаями этих бедуинов. Поскольку это та часть арабских племен, которая вступила во взаимодействие с французами, рассказчику удается ее наблюдать воочию. Фромантен не обольщается гармонией в отношениях арабов и французов, позже он выскажет глубокое сомнение в какой-либо устойчивости этого положения равновесия, мы просто можем понять, как взаимодействие французов и местных племен выглядело в действительности [Фромантен, с. 73].

Было бы неверным думать, что Фромантен защищал какую-то сторону или проводил какую-либо определенную точку зрения. Центральное событие первой части – посещение военизированным французско-арабским караваном городка Лагуата. Незадолго до прихода каравана он был взят французскими войсками. Да, перед читателем предстает страшная картина. Но дело в том, что мирные периоды в этой местности всегда были редкостью. Традиция не менее чем трехсотлетних арабских междоусобиц, замечает Фромантен, составляет мифологию Лагуата. Французы же были призваны местными правителями для разрешения своих внутренних проблем, принятие решения тянулось с 1844 по 1853 г. Фромантен живописует картину убийств и мародерства в духе Делакруа; зритель видит ужасающую и необычайно живописную драму в созвучном пейзаже. Тем не менее картина в значительной степени объективна. Свое повествование о битве рассказчик заключает предположением о тайной жажде кровавой мести, пока

что отложенной внешне любезными арабами, но она возможна в любой момент [Фромантен, с. 98–107]. Также показателен в этом контексте и эпизод во второй части, «Лето в Сахаре». Приводится описание французской и туземной части города, разделенного расовым недоверием и антипатией. Разделение это было достаточно резким, туземная часть все еще сохраняла определенную автономию и независимость. Хотя французская колониальная администрация и была в некотором отношении лучше, чем царившая в Алжире до того турецкая, рассказчик объясняет, почему арабы ее не приемлют – поскольку французские установки принципиально противоречат самому строю их жизни [Фромантен, с. 196].

Заключение

Фромантен сознательно творил в русле развитой литературной традиции французских литературных путешествий, в частности, по Северной Африке, которых к тому моменту было создано изрядное количество, так что даже их простой обзор представляет задачу, невыполнимую для одного исследователя, этим занимаются целые коллективы. Здесь прежде всего надо упомянуть блистательного Теофиля Готье, всегда удачливого нарратора Александра Дюма-отца, загадочного и утонченного Жерара де Нерваля. Гюстав Флобер с Максимом Дюканом тоже как раз в это время совершали свое путешествие, но тексты путешествий Флобера были опубликованы значительно позднее. Ряд других, менее известных авторов представлен в обширной антологии Жана-Клода Берше (Jean-Claude Berchet) [Berchet], куда включены также путешествия по странам, расположенным с другой стороны Средиземного моря.

Надо отметить, что восприятие Востока у французов во многом диктовалось галлановской эпопеей «Тысяча и одной ночи». Автор этой статьи прослеживал это влияние в произведениях Готье, Нерваля, Дюма и Фромантена¹³. Также для французских литераторов Восток был олицетворением античной цивилизации и загадочного Древнего Египта [Овчарова, 2010б]. Вонлярлярский ни к одной из этих традиций не принадлежал. Из известных путешествий по близким к Алжиру регионам были разве что сочинения вышеупомянутого Сенковского и несколько запоминающихся сцен, запечатленных Алексеем Дмитриевичем Салтыковым в Египте в 1841 г., во время его пути в Индию [Салтыков, с. 9–15]. Пока трудно понять, был ли Вонлярлярский знаком с этими источниками. Незаметно и влияние французской традиции. Картина Востока запечатлена без всякого пиетета. Эта слегка окультуренная первобытная местность с впечатляющими пейзажами, которую временами сотрясают жуткие природные катаклизмы; ее населяют свободолюбивые и некогда вольные жители. Они завоеваны жестко подавившими их европейцами, которые полагают извлечь из того пользу, но пока не видно никаких к тому усилий. Быт в этой стране самый простой, нравы чрезвычайно дикие. Никаких сложных литературных аллюзий и культурных феноменов читателю не представлено. Здесь совсем нет фигуры умолчания в связи с деятельностью французской колониальной армии и администрации. На фоне изысканных фран-

¹³ См., например, работу [Овчарова 2010а]

цузских текстов совершенно иной взгляд на ту же самую действительность чрезвычайно любопытен, но на данном этапе исследования автор ограничился лишь самым общим сравнением.

Список литературы

- Аксаков К. С.* Статьи и речи. М. : РГБ, 2012. С. 213–214 [Электронный ресурс]. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005436944?page=99&rotate=0&theme=white> [дата обращения 10.05.2023]
- Бодлер Ш.* Об искусстве / Пер. с франц. Н. Столяровой и Л. Липман; Предисл. В. Левика; Посл. В. Мильчиной. М. : Искусство, 1986. 421 с.
- Вонлярлярский В. А.* Большая барыня: Роман, повесть, рассказы / Сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. А. А. Ильина-Томича. М. : Современник, 1987. 444 с.
- Вонлярлярский В. А.* Все сочинения Василия Александровича Вонлярлярского : Ч. 1–7. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1853–1854. Ч. 2.
- Вонлярлярский В. А.* Все сочинения Василия Александровича Вонлярлярского : Ч. 1–7. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1853–1854. –7 т. – 1853. Ч. 2. 1853. 400 с.
- Ильин-Томич А. А.* Проза Василия Вонлярлярского // В. А. Вонлярлярский. Большая барыня. М. : Правда, 1988. С. 3–16.
- Овчарова Е. Э.* О метаморфозе жанра *voyage pittoresque* во французской путевой прозе // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 9. 2010а. Вып. 4. С. 42–49.
- Овчарова Е. Э.* Алжирские дневники Эжена Фромантена в контексте французского ориентализма // Литературный канон и его преодоление. Материалы XL Международной филологической конференции 14–19 марта 2011 г. История зарубежных литератур. / Сост. Лукьянец И. В., Миролюбова А. Ю. СПб. : ИД «Петрополис», 2011. С. 50–55.
- Овчарова Е. Э.* Алжирские дневники Эжена Фромантена и проблема жанров литературы путешествий // Романский коллегийум: Сборник междисциплинарных научных трудов. Выпуск 1. / Отв. ред. С. Л. Фокин, Н. В. Голотвина. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2007. С. 77–93.
- Овчарова Е. Э.* Алжирские дневники Эжена Фромантена: значение, восприятие, дискурс // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 9. 2012а. Вып. 1. С. 24–33.
- Овчарова Е. Э.* Заметки на полях «Книги путешествий» Гюстава Флобера // Романский коллегийум: Сборник междисциплинарных научных трудов. Выпуск 3. / Отв. ред. С. Л. Фокин, Н. В. Голотвина. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. С. 32–43
- Овчарова Е. Э.* К вопросу о рецепции литературного творчества Эжена Фромантена в англоязычных странах и России // Европейское наследие в кросскультурном пространстве. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием (22–23 ноября 2021 г.) / под науч. ред. Е. И. Бойчук. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. С. 23–31.
- Овчарова Е. Э.* О восприятии алжирских дневников Эжена Фромантена // Романский коллегийум: Сборник междисциплинарных научных трудов. Выпуск 5. / Отв. ред. С. Л. Фокин. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2012б. С. 116–127.
- Овчарова Е. Э.* О кинематографичности литературы в докинематографическую эру // Пограничные процессы в литературе и культуре: сб. статей по материалам Междунар. науч. конф., посвященной 125-летию со дня рождения Василия Каменского (17–19 апр. 2009 г.) / общ. ред. Н. С. Бочкарева, И. А. Пикулева; Перм. ун-т. Пермь, 2009. С. 273–277.
- Овчарова Е. Э.* Образование детей лейб-компанца В. И. Храповицкого и возможное влияние его южнославянского происхождения // Россия и Украина: историко-психологические аспекты взаимоотношений: Материалы XLVI Международной научной конференции Санкт-Петербург, 16 декабря 2019 г. / под ред. д-ра ист. наук проф. С. Н. Полторака. СПб. : Полторака, 2019. С. 31–36.
- Овчарова Е. Э.* Память об алжирских путешествиях Эжена Фромантена // Память личности – память общества. Репрезентация индивидуального и коллективного общества в литературе. Материалы XLIII Международной филологической конференции 11–16 марта 2014 г. / Сост. Каминская Ю. В., Миролюбова А. Ю. СПб. : Петрополис, 2014. С. 138–142.
- Панкратов В. В.* Союз двух муз // Охота и рыбалка. XXI век. 01.03.2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/numbers/938/article26359.htm> (дата обращения 20.09.2005).

Полевой К. А. О жизни и сочинениях автора // Вонлярлярский В. А. Все сочинения Василия Александровича Вонлярлярского: Ч. 1–7. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1853–1854. в 7 тт.ч. 1, 1853. 324 с.

Салтыков А. Д. Письма об Индии / Предисл. Л. Б. Алаева. М. : Наука, 1985. 176 с.

Фромантен Э. Сахара и Сахель. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. 367 с.

Berchet J.-C. Le voyage en Orient. Antologie des voyageurs français dans le Levant au XIX siècle. Paris : Robert Laffont, 2001, 1108 pp.

Cardonne É. Introduction / Eugène Fromentin. Une année dans le Sahel. Paris : Flammarion, 1991. P. 8–31.

Christin, A. M. Fromentin conteur d'espace : essai sur l'œuvre algérienne 1982. Paris : Sycomore, 222 p.

Fromentin, E. Œuvres complètes. Paris : Gallimard, 1984, 1802 pp

Marchat H. Fromentin en Afrique. In: Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée. 1974. № 17. pp. 119–137. [Электронный ресурс]. URL: www.persee.fr/doc/remmm_0035-1474_1974_num_17_1_1267 (дата обращения: 15.04.2023).

Masqueray E. Souvenirs et visions d'Afrique / Éd. Michèle Salinas. La Boîte à Documents : Paris, 1894, 444 pp.

Mullié Charles. Négrier (François-Marie-Casimir). Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. Tom second. Paris : Poignavant et Compagnie, 1852. 602 p.

Sagnes G. Introduction / E. Fromentin. Œuvres complètes. Paris : Gallimard, 1984. P. XI–XXII.

The article was submitted on 14.06.2023